

лил бы на стол украденную им с алтаря скатерть с еще сохранившимися на ней церковными знаками и воображал бы, что другие этого не замечают? Выслушайте, упрямы, что говорит против вас Туллий в книге «Об обязанностях»: «Много таких, которые мечтают быть на виду и прославиться и отнятое у одних дарят другим, полагая, что их будут считать хорошими те, кого они обогащают по любому поводу. Однако это как нельзя больше противоречит тому, что подобает делать».

Старости подобает также быть благожелательной, рассуждать о хорошем и охотно выслушивать хорошее: ведь хорошо бывает рассуждать о хорошем тогда, когда слушаешь хорошее. Возраст же этот придает человеку авторитетный вид, и кажется, что к старому человеку прислушиваются больше, чем к людям в любом другом, более раннем возрасте, и что он благодаря долгому жизненному опыту должен знать больше хороших и занятных рассказов. Посему Туллий в своей книге «О старости» и говорит от лица Катона Старшего: «У меня возросло желание беседовать, и удовольствие от бесед больше, чем это бывало раньше».

О всех четырех свойствах, приличествующих этому возрасту, говорит Овидий в седьмой книге «Метаморфоз», в том месте, где он описывает, как Кефал прибыл из Афин к царю Эаку за помощью в войне, которую Афины вели с Критом. Овидий рассказывает, что старый Эак был осторожен: потеряв от чумной заразы почти весь свой народ, он мудро обратился за помощью к богам и попросил их восстановить умершее население; и благодаря его сообразительности, заставившей его терпеливо перенести беду и прибегнуть к богам, народ его был не только восстановлен, но стал еще многочисленнее, чем раньше. По словам Овидия, Эак отличался справедливостью, став родоначальником нового народа и управителем своей опустошенной земли. Он был щедрым, сказав Кефалу после того, как тот попросил его о помощи:

«Помощи вы не просите, ее получайте, Афины!
Острова этого все считайте вы силы своими.
Смело пусть каждый идет. Таково положение наше.
Силы достанет у нас; от врага отстоит меня воин.
Слава богам. Времена хороши, – прощенья не надо просить».

О, сколько можно говорить об этом ответе! Однако для человека понимающего достаточно того, что сказал Овидий. Эак благожелателен, когда он в длинной речи подробно описывает Кефалу всю историю мора, поразившего его народ, а также историю его восстановления. И чтобы приведенный пример лучше запомнился, Овидий говорит, что царь Эак был отцом Теламона, Пелея и Фока и что от Теламона родился Аякс, а от Пелея – Ахиллес.

XXVIII.

После толкования этого подраздела надлежит перейти к последнему, к тому, который начинается словами: «Достигнув дряхлости, она стремится...»; здесь задача текста – показать, что делает благородная душа в четвертой и последней части жизни, то есть в дряхлости. Во-первых, она возвращается к Богу, как к той гавани, которую она покинула, когда ей пришлось выйти в открытое море этой жизни; во-вторых, она благословляет пройденный ею путь, так как он был прямым, добрым и не омраченным бурями. В своей книге «О старости» Туллий уподобляет естественную смерть гавани и отдохновению после долгого плавания. И так оно и есть: подобно тому как хороший моряк, приближаясь к гавани, опускает свои паруса и входит в нее спокойно, едва пользуясь кормилом, так и мы должны опустить паруса наших мирских действий и возвратиться к Богу всеми нашими помыслами и всем сердцем, так чтобы войти в эту гавань в полном спокойствии и в полной умиротворенности. И в этом собственная наша натура преподает нам великий урок спокойствия, ибо для нее смерть не есть страдание или огорчение, но, подобно зрелому плоду, который легко и без усилий отделяется от своей ветви, душа наша без сожаления покидает тело, в котором она обитала. Недаром Аристотель в своей книге «О юности и старости» говорит, что «смерть в старости беспечальна». И, подобно тому как человека, возвращающегося после долгого странствия, прежде чем он войдет в ворота родного города, встречают граждане вечной жизни, – так они и поступают, приверженные ее добрым деяниям и